

В. В. Абашев

ПАСТЕРНАКОВСКИЙ ГОРОД ЮРЯТИН: ГЕОГРАФИЯ, СЕМИОТИКА И ПРАГМАТИКА РОМАННОГО ОБРАЗА

Анализируется соотношение символических и миметических компонентов в описании города Юрятин в романе «Доктор Живаго» Бориса Пастернака. Установлен географический прототип романного города [Пермь] и показано, как трансформировались черты реального города в романном образе. Также рассмотрен прагматический аспект отношений *места* и *текста*. Показано, как воображаемая реальность романа становится предметом социокультурных и маркетинговых практик, как Юрятин становится частью символической реальности современной Перми.

Ключевые слова: Пастернак, «Доктор Живаго», семиотика, прагматика литературного текста.

Вымышленные города бывают порой привлекательнее реальных. Они интригуют тайной, обаяние которой только усиливается невозможностью в них побывать. К таким литературным городам относится пастернаковский Юрятин. С первых страниц романа мы слышим упоминания о нем в разговорах в семье Громеко, узнаем, что это родной город Ларисы Антиповой. Наконец, в окрестности Юрятина в имение Варыкино перебирается из голодной Москвы семейство Живаго. И вот Юрятин появляется в романе. Появляется по-театральному эффектно: «... туман совершенно рассеялся. Следы его оставались только в левой стороне неба, вдали на востоке. Но вот и они шевельнулись, двинулись и разошлись, как полы театрального занавеса. Там, верстах в трех от Развилля, на горе, более высокой, чем предместье, выступил большой город, окружной или губернский. Солнце придавало его краскам желтоватость, расстояние упрощало его линии. Он ярусами лепился на возвышенности, как гора Афон или скит пустынножителей на дешевой лубочной картинке, дом на доме и улица над улицей, с большим собором посередине на макушке. “Юрятин”! – взволнованно сообразил доктор» [1, т. 4, с. 247].

Это описание многократно цитировалось и получило немало толкований. Его символизм очевиден, и не случайно именно символика Юрятина привлекала исследователей романа. Например, И. П. Смирнов в своем исследовании криптосемантики романа угадывает в изображении Юрятина его литературный прообраз – Город Солнца. Тем самым, описание Юрятина должно отсылать нас к тоталитарной социалистической утопии Т. Кампанеллы, одному из источников коммунистической идеологии. В пользу этого сопоставления исследователь находит множество аргументов: «Как и Юрятин, Город Солнца расположен на высокой горе, чрезвычайно велик по размерам, построен ярусами и увенчан храмом, где находятся ке-

льи монахов (ср. сходство Юрятина с Афоном) и где хранится написанная золотыми буквами Книга (ср. замечание Самдевятова о пожаре в Юрятине, не затронувшем центральные районы): «– Я говорю, – центр, центр города. Собор, библиотека»¹ [2, с. 97]. Даже вывески на домах в Развилля, по мнению исследователя, «составляют параллель к наглядной пропаганде знаний у Кампанеллы, разместившего на семи стенах своего города изложение всей человеческой премудрости» [2, с. 97].

Специальное исследование посвятил Юрятину Е. Фарыно. Подчеркивая, что Юрятин в романе представлен «крайне бегло, считанными деталями», Фарыно отказывает этому городу в какой-либо натуральной реальности. Он настаивает, что «романный Юрятин, скорее всего, – просто системный пастернаковский “город” с именем “Юрятин” [3, с. 385]. Иначе говоря, Юрятин существует в романе как частная реализация универсального пастернаковского концепта ‘город’. Комментируя описание общего вида Юрятина, Фарыно подчеркивает: «Такой вид города в романе повсеместен: сходным образом представлена Москва в эпизоде приезда из Мелюзеева, Дуплянка из остановившегося на болоте поезда, Варыкино при подъезде к нему. В самом общем смысле все эти ‘видения’ подразумевают ‘небесный град’, ‘икону мироустройства’, ‘Божий мир’. Дифференциация же между ними, так сказать, ‘иконографична’, она призвана выявлять ту или иную сторону Благодати. Сравнение с Афоном подсказывает, что Юрятин, как и Афон, – Земной Удел Богоматери. «Полы театрального занавеса» могут поэтому отсылать к изображению св. Афонской горы, где Богоматери в небесах над Афоном распростирает свой омофор, плат, покров» [3, с. 387, примеч. 2].

При всем различии трактовок Фарыно и Смирнов едины в подходе к тексту. Этот подход можно было бы назвать пансемиотическим: каждая деталь текста

¹ Любопытно, что один из первых переводчиков утопии Томмазо Кампанеллы с латинского на русский язык А. Г. Генкель в 1916–1927 гг. работал в Пермском университете. Он возглавлял кафедру морфологии и систематики растений, основал Ботанический сад при университете. Первое издание его перевода вышло в 1907 г.: Кампанелла Т. Государство солнца (Civitas solis). СПб., 1907.

не просто есть сама по себе, она отсылает к некоему значению. Такой подход может быть плодотворным, и он дает замечательные результаты для понимания текста, но он не должен исключать других ракурсов.

Семиотичность образа совсем не исключает его миметичности. Поэтому мы предлагаем взглянуть на романский Юрятин по-иному. Не с точки зрения символики, а с точки зрения географии. Иными словами, ответить на вопрос: где находится Юрятин, т. е., имеется ли у него реальный прототип?

Так ставить вопрос позволяет характерная для Пастернака точность деталей в описаниях, имеющих, как правило, основание в реальных впечатлениях. Например, если в «Повести» Пастернак замечает, что над отдаленным заводом висят «пять дымовых шапок» [1, т. 3, с. 99], то, скорее всего, он где-то видел и запомнил именно пять дымящих заводских труб. Так оно и было. Герой «Повести» Сергей Спекторский приезжает погостить к сестре на Урал в заводской поселок на берегу Камы напротив строгановского Усоляя. Эти места Пастернаку были хорошо знакомы. Здесь на содовом заводе «Любимова, Сольвэ и К°» он провел несколько дней в июне 1916 г. На фотографии березниковского сользавода, что был рядом с содовым, мы находим как раз пять труб [4, с. 104]. Так и романский Юрятин имеет, скорее всего, географический прототип.

Прежде всего стоит обратить внимание на то, как Пастернак локализует Юрятин в географическом пространстве. В романе это губернский город на северо-востоке Урала. Упоминание о белых ночах позволяет локализовать его в широтном отношении: известно, что белые ночи наблюдаются около 60-й параллели и выше. Далее. Юрятин расположен на большой судоходной реке Рыньве, которая в романе даже названа «знаменитой» [1, т. 4, с. 244]. А в «Записках Патрика», где впервые появляется топоним Рыньва, говорится, что река занесена на «карты любого масштаба» [1, т. 3, с. 249]. Иначе говоря, речь идет об одной из крупнейших рек России. Другая привязка города к географическому пространству – железная дорога. Пастернаковский Юрятин расположен «на линии одной из уральских железных дорог» [1, т. 4, с. 107]. Если принять во внимание замечание, что в 1915 г. по ней «без счету... днем и ночью» [1, т. 4, с. 109] на запад идут воинские эшелоны, то речь, скорее всего, идет об одной из линий Транссибирской магистрали. Это соображение лишней раз подтверждают слова Комаровского: «На путях в Юрятине стоит под парами служебный поезд Дальневосточного правительства. Вчера он прибыл из Москвы и завтра отправляется дальше» [1, т. 4, с. 445]. Наконец, важный ориентир – проходящий через город тракт, о котором говорит Самдевятов: «тракт наш знаменитый. Через всю Сибирь проложен. Каторгой воспет» [1, т. 4, с. 258]. Речь здесь идет, конечно, о Сибирском тракте.

В точке схода перечисленных пространственных координат находится единственный город на Урале – Пермь. Город стоит на берегу Камы, одной из крупнейших российских рек, через него проходит Сибирский тракт. С 1908 г., с завершением строительства железнодорожного моста через Каму, Пермь стала важным транзитным пунктом на северной ветви Транссибирской магистрали.

То, что Пастернак, когда описывал Юрятин, имел в виду именно Пермь, имеет прочные биографические основания. Ведь Пермь была единственным уральским городом, который Пастернак хорошо знал. Важно было и другое: с Пермью были связаны дорогие ему воспоминания. В здешних местах он был счастлив.

Прожив в Пермской губернии полгода, Пастернак в мае и июне 1916-го не раз наезжал в Пермь, жил здесь по нескольку дней, гулял по городу. Судя по письмам, он провел в Перми не меньше недели. Этого более, чем достаточно, чтобы хорошо изучить небольшой провинциальный город. О хорошем знании города можно судить по повести «Детство Люверс», где Пермь описана с такой топографической и топонимической точностью, что все пермские места повести – районы, улицы и даже отдельные строения – можно соотнести с картой города. Героиня повести живет на улице Осинской, гуляет по Сибирской и Оханской, завтракает с родителями на пароходе у Любимовской пристани, летом живет на даче в Курье и видит за Камой заводские огни Мотовилихи. Выразительно и точно в «Детстве Люверс» описана ночная поездка по улице Монастырской с ее видами на Каму, переезд через виадук и вокзал Пермь I, откуда семья Люверс уезжает в Екатеринбург.

Точные детали Перми встречаются в пастернаковских письмах. В одном из них он упоминает о «пермском Мюре и Мерилизе» – магазине купца Ижболдина, что на углу Осинской и Петропавловской [1, т. 7, с. 253]. В другом, мистифицируя Елену Виноград от вымышленного лица, якобы уральца, рассказывает о поездке в Пермь, в Мотовилиху и о «виде с Сибирской улицы», живо напомнившим прошлогоднюю встречу с Пастернаком [!] у городского театра [1, т. 7, с. 340].

Как видим, Пермь помнилась Пастернаку хорошо, в подробностях. Он помнил город в деталях: отчетливо представлял его ландшафт, улицы, здания. Иначе говоря, если Юрятин и вымышлен, то вымышлен он из Перми. Прежде всего, Юрятин напоминает Пермь общими очертаниями, абрисом. Сопоставить в этом отношении пастернаковский город с его прототипом позволяют как имеющиеся литературные описания Перми, так и ее изображения, запечатлевшие город таким, каким он выглядел в близкие Пастернаку времена.

Вернемся к уже процитированному выше описанию панорамы Юрятина. Обобщенность и условность его очевидны. Они подчеркнуты сравнением Юрятина с видом Афона. Но это не значит, что такой путь

обобщения не имел основания в чертах возможного прототипа. Конечно, некорректным было бы прямо сравнивать 'реальный вид' Перми с пастернаковским описанием. Корректнее сравнивать описание Пастернака с иными литературными же картинами. Сравнив, мы обнаружим, что в существующих литературных описаниях Перми XIX в. акцентированы те же черты, что в предельно обобщенном виде представлены в описании Юрятина у Пастернака. Важно, что путешественники XIX в. не стремились к символизации, они описывали город реалистично, стремясь к точности.

Прежде всего Пермь неизменно представляла перед путешественниками в виде города на возвышенности. Это было вызвано особенностями транспортных коммуникаций. До конца XIX в. к Перми подъезжали либо на пароходе, либо, с открытием Пермской железной дороги [в 1878 г.], с северо-востока по низменному берегу реки. И в том и другом случае Пермь открывалась своей речной панорамой, и вид на город открывался снизу. Гора и Собор как доминанты вида Перми с Камы отмечаются во всех литературных описаниях города.

Порой эта черта, положение города на высоком речном берегу, отмечалась как анахронизм. Так, признавая, что хотя «вид на Пермь с парохода очень красив», Д. Н. Мамин-Сибиряк видел, тем не менее, некую искусственность, произвол градостроительного решения: «Пермь залезла на гору без всякой уважительной причины» [5, с. 53]. То, что в целях обороны было естественным для средневековых городов, для Перми, регулярного города XVIII в., не имело под собой рациональных оснований. Напротив, приводило к явным неудобствам: крутизна склонов отрезала город от его единственного богатства – Камы. Но вне зависимости от субъективной оценки важно, что у Д. Н. Мамина-Сибиряка вид Перми невольно вызывал образ старинного города, взобравшегося на гору.

В путевой зарисовке В. И. Немировича-Данченко помимо возвышенности появляется архитектурная доминанта – колокольни: «Издали, с палубы парохода, город чрезвычайно красив. <...> На высоком правом берегу Камы прежде всего обрисовались перед нами большие колокольни. Одна из них, по самой середине города, очень напоминает Симонову в Москве» [6, с. 112]. В «самой середине города» и на самой высокой точке прибрежной горы Слудка в Перми располагается Спасо-Преображенский кафедральный собор с высокой колокольней. Он и по сей день служит доминантой вида города с реки.

Сходный образ города в описании П. И. Мельникова-Печерского: «Вот и Пермь раскинулась перед нами. Вид на этот город с Камы и с низменных мест, находящихся у подошвы горы Мотовилихинской,

очень хорош. Большие каменные дома тянутся длинной линией по берегу Камы; над ними возвышаются церкви и монастырь; по левую сторону города высокая и крутая гора... еще более увеличивает красоту ландшафта» [7, с. 567].

Важно иметь в виду, что у П. И. Мельникова мы находим и близкий к роману пространственный охват описания, и ту же, что в романе, точку зрения: «Вид... с Камы и с низменных мест, находящихся у подошвы горы Мотовилихинской». Напомним, что в романе герой видит город на горе от железнодорожной станции Развилье – в реальном пространстве ей соответствует станция Мотовилиха. Не будем здесь подробно аргументировать это утверждение. Но обратим внимание, что названия *Мотовилиха* и *Развилье* не только созвучны, но и родственны. Название пермского заводского поселка генетически связано со словом *мотовило*. Так, например, интерпретирует этот топоним Е. Фарыно [8, с.12]. В словаре Даля мотовило описывается как «костыль, с *развилиной* на другом конце... для намота пряжи с веретена». Иначе говоря, Развилье семантически [по принципу метонимии] производно от Мотовилихи.

Зарисовка вида Перми у П. И. Мельникова по времени одна из самых ранних. Его очерк написан в 1839 г. Тогда склоны прибрежного холма с центральной частью города еще не были полностью застроены, поэтому в его описании ярусность застройки, акцентированная в описании Юрятина у Пастернака, только угадывается: «над ними возвышаются церкви и монастырь». Зато эффект ярусности застройки отчетливо проявляется в визуальных образах Перми. Обращение к ним кажется законным. К визуальному коду отсылает сам Пастернак. Вид Юрятина, освещенного солнцем, напоминает лубочную картинку. Таким лубочным городом выглядит Пермь на акварели художника Розмахнина, хранящейся в Пермской художественной галерее. Это своеобразная наивная ведута с речной панорамой Перми. Судя по виду и составу строений, рисунок выполнен, скорее всего, в конце 1830-х – начале 1840-х гг.² У Розмахнина очевидны и положение города на прибрежном холме, и эффект ярусности застройки. Правда, пропорции панорамы по горизонтали нарушены – город чрезмерно растянут. Так что Спасо-Преображенский собор, находящийся на вершине берегового холма, у Розмахнина оказался сдвинутым к его склону. Но общий силуэт города передан верно.

Зато пропорции точно переданы на фотопанораме Перми работы замечательного русского фотографа князя С. М. Прокудина-Горского. В 1910 г. он снял серию видов Перми. Из них нам особенно интересен панорамный вид города с северо-востока, со склона мотовилихинской горы. Интересен тем, что позволя-

² Датировать рисунок можно по виду Спасо-Преображенского кафедрального собора. На рисунке он крайний справа. Колокольня собора была завершена в 1832 г., а к 1854 г. она уже была соединена крытым переходом с храмом. На рисунке Розмахнина колокольня стоит еще отдельно.

ет увидеть Пермь, какой она была в близкие к Пастернаку времена и, самое главное, с той же самой точки зрения, с какой привык ее видеть поэт и видит в романе Юрий Живаго.

Попробуем мысленно наложить на фотоснимок С. М. Прокудина-Горского пастернаковскую панораму Юрятин. Так она и выглядела когда-то одно- и двухэтажная Пермь из района Мотовилихи, превратившейся в романе в станцию Развилье. Это сегодня холмистый ландшафт Перми визуально сглажен высотной застройкой. А на фотоснимке: гора Слудка круто возносится над Камой, по ее склонам ярусами – дом над домом – восходят строения к Спасо-Преображенскому собору на вершине. Все как в романе.

Юрятин у Пастернака, как Пермь у Прокудина, виден с восточной стороны: город освещен восходящим солнцем. И это тоже не случайно. Ведь в свои приезды в Пермь в мае и июне 1916 г. Пастернак подъезжал к ней как раз со стороны Мотовилихи. Город разом открывался ему из района нынешнего Речного вокзала. Вид города на холме с собором и колокольней на вершине с прибрежными улицами по склонам высокого берега ему запомнился и возникал в его произведениях не раз, не только в романе. Вспомним в стихотворении «На пароходе» огни прибрежных улиц, что отражаются в Каме.

Сопоставление пастернаковского символического описания города с описаниями Перми, в которых акцент сделан на миметической стороне образа, показывает, что общий вид Перми был естественно предрасположен именно к такой символизации. Тем самым Пастернак проявлял символическую модель реального города.

В пользу сопоставления Юрятин с Пермью говорят и отдельные детали описания города в романе. Как и в Перми, в Юрятине имеются два вокзала на значительном удалении друг от друга. Об этом в романе упоминает Антонина Александровна: «Нам ужасно повезло. Юрятин-город нас не принимает. В городе пожары и мост взорван, нельзя проехать. Поезд передадут обходом по соединительной ветке на другую линию, и как раз на ту, которая нам требуется, на которой стоит Торфяная. Ты подумай! И не надо пересаживаться и с вещами тащиться через город с вокзала на вокзал» [1, т. 4, с. 256].

Отдельные характерные приметы Перми различимы в других деталях описаний Юрятин. Пастернак упоминает об юрятинских улицах с фундаментами домов, резко повышающихся с ходом улицы вниз. Именно так выглядят дома на пермских улицах, ведущих из центра города к Каме: они почти ступенями спускаются к реке. Характерна упомянутая в романе своеобразная фенологическая примета юрятинской жизни: в Юрятине «перевернутые лодки, белеющие на земле в глубине дворов, означали... то же самое, что в других местах осенний перелет журавлей или первый снег» [1, т. 4, с. 107]. Летняя жизнь старой Пер-

ми была тесно связана с рекой. Красочные подробности речной жизни горожан, большинство из которых имели свои лодки, встречаются в прозе Ф. Решетникова, В. Каменского, М. Осоргина. С наступлением холодов лодки перевозили в город. В черновом варианте романа Пастернак упомянул, кстати, о характерной для Перми крутизне подъема от реки в город: «Приближение зимы в Юрятине, стоявшем на большой судоходной реке Рыньве, ознаменовывалось тем, что владельцы лодок втаскивали их с реки на телегах по крутому склону в город, где расставляли до будущей весны под открытым небом по своим задворкам» [1, т. 4, с. 598]. Картина, знакомая всем пермским старожилам.

Дополнительный материал для сближения Юрятин с Пермью дают рукописи романа. Например, в четвертой главе первоначальной рукописи среди описания рекламных объявлений, кроме оставшегося впоследствии в романе щита «Моро и Щетинкин. Веялки и Молотилки», встречаем и такую: «Все у Агафурова» [1, т. 4, с. 609]. Братья Агафуровы – Гумер, Абзаметдин, Абдальдин – известные пермские купцы. Они владели в Перми несколькими оптовыми складами и магазинами, вели крупную торговлю бакалейными и галантерейными товарами, одеждой, ювелирными изделиями [9, с. 116]. Кстати, в пермских газетах того времени часто встречалась реклама «Торгового дома купца П. В. Щетинкина» [9, с. 112], имя которого впоследствии Пастернак, возможно, метонимически изменил на «Ветчинкин».

Тесно связано с географическим прототипом описание Юрятин в начале 15-й главы белой рукописи: «Он все еще не мог привыкнуть к разнообразию и обширности этого без порядка по холмам раскинувшегося города, старого губернского центра, средоточия горной промышленности на севере и хлебной торговли на юге. <...> В середине города, на горе белели и желтели ампирные фасады прежних дворянских особняков и казенные здания с колоннами. Часть города между центром и окраиной занимали сады и склады, амбары и жилые строения купечества» [1, т. 4, с. 627]. Здесь точно указано на экономическую географию Пермской губернии, ландшафт города, размещение центральной части города на горе.

Важный аспект сопоставления Перми и Юрятин – генезис названия вымышленного города. Как правило, его название мотивируют именем героя. Последовательно эта точка зрения проводится у Фарыно: «Название города “Юрятин” содержит в себе повтор имени доктора Живаго “Юрий”. В этом отношении Юрятин, вопреки фабуле, – не столько локус Лары, сколько локус Юрия Живаго» [3, с. 386]. Исходя из этого предположения Фарыно буквально выводит описание Юрятин из символики имени героя. Исходный тезис об изосемантизме имени героя и города предопределил анализ семантики юрятинской городской среды у Фарыно: «...если пойти за... одно-

именностью персонажа и локуса, то следовало бы усматривать в них и определенный их изосемантизм. Тогда, в частности, в Юрятине надлежало бы предполагать некоторую связь с 'земледелием', с народно-христианским сюжетом о Егории-Георгии, с семантикой остальных имен доктора... с его профессией "доктор" и с его 'писательской' деятельностью. Аналогичным образом с этим же комплексом смыслов должны были бы быть связаны как посещаемые доктором заведения, так и встречающиеся ему жители Юрятина. Кстати сказать, с данной точки зрения восприятие доктором города через посетителей библиотеки... не столько деталь психологического портрета Юрия Живаго и не столько риторическая фигура (синекдоха), сколько реализация смысловой структуры романного мира и одно из проявлений экспликативного принципа пастернаковского текстоорождения» [3, с. 386].

Юрятин в описании Фарыно – это своего рода пространственная и вещественная экспликация символических качеств героя. Такая последовательная реализация методического принципа кажется преувеличенной, хотя и проводится на базе изощренной аргументации.

Между тем нельзя исключить, что избранное Пастернаком название романного города имеет ассоциативные связи с прототипом – Пермью. Конечно, в тексте романа имя героя по созвучию нельзя не связать с названием города, а связав, нельзя избежать поисков смысла их созвучия. Но стоит иметь в виду и то, что генетически Юрятин предшествовал Юрию, так что не исключено, что герой получил свое имя по названию города, а не наоборот. Поэтому первичную мотивацию выбора топонима нельзя искать в имени героя.

Впервые этот топоним («уральское лицо Юрятина») [1, т. 3, с. 240], как и название реки Рыньва, появились в «Записках Патрика» (1936), в прозе, где очертания сюжетных линий, расстановка персонажей будущего романа, а отчасти и его уральская топография в общем уже определились. Заметим, в «Записках Патрика» Юрятин территориально связан с Пермью – подразумевается, что это уездный город Пермской губернии. О героине, Евгении Истоминой, повзрослевшей Жене Люверс, здесь сказано: «Она была родом из здешних мест, кажется из Перми» [1, т. 3, с. 244]. В «Докторе Живаго» Лариса Гишар будет уже родом из Юрятина, а Юрятин, как Пермь, станет губернским городом. Таким образом, можно предположить, что в логике развития замысла вымышленный город постепенно вытеснял свой географический прототип. Вначале Юрятин располагается рядом с Пермью, затем занимает ее место.

Остроумную версию появления имени Юрятин предложил Ю. Л. Фрейдин. С его точки зрения, Юрятин можно рассматривать как геохронологическую метонимию Перми. *Пермь-Permian* (286–250 млн лет

назад) и *Jura-Jura* (215–145 млн лет назад) – близкие соседи в геологической истории, их разделяет только Триас (250–215 млн лет назад). Такое предположение не лишено оснований. Превращению Перми в Юрятин на основе соседства Пермского и Юрского периодов могли способствовать интенсивные горно-геологические и космогонические переживания и ассоциации, пробужденные у Пастернака пребыванием на Урале. Достаточно вспомнить описание переезда через Урал в «Детстве Люверс», космогонические мотивы в стихотворении «Урал впервые», апокалиптические переживания спуска в кизеловские шахты, отразившиеся в письмах и в лирическом диптихе «Уральские стихи». Превращению Перми в Юрятин на ассоциативной основе горной мифологии могли способствовать и швейцарские воспоминания Пастернака и Збарского. Юрский период получил название по горному массиву Jura в Швейцарии, а ассоциации с видами Швейцарии не раз возникали у Пастернака на Урале: «А какие здесь пейзажи! Прямо Oberland, – но суровой немного» [1, т. 7, с. 215].

Обосновывая прототипичность Перми по отношению к Юрятину, мы, конечно же, совсем не призываем к их отождествлению. Да, приведенные выше фрагменты черновых вариантов романа подтверждают прямую генетическую связь образа Юрятина с Пермью. Но с той же очевидностью они показывают нам, что, редактируя текст, Пастернак удалял детали, прямо указывающие на прототип романного локуса. Миметические элементы описания по мере работы над текстом удалялись. Он шел по пути обобщения и символизации реальных. Именно поэтому своему городу он дает новое имя, избегая прямого отождествления.

Очевидно, знание о том, что Пермь была прототипом Юрятина, немного прибавляет к нашему пониманию *семантики* текста романа. Но у соотношения *текст* и *место*, кроме влияния места на текст, есть обратная сторона: художественное произведение само может влиять на место, с которым его связывает традиция. Обращая внимание на эту сторону отношений романа Пастернака и Перми, мы вступаем в сферу прагматики текста, в область восприятия и воздействия текста на социум. И в этом отношении прототипичность важна не столько для текста, сколько для места.

Как бы отделившись от страниц романа, город Юрятин этот символический пастернаковский локус зажил в Перми своей не вполне зависимой от самого романа жизнью. Эта ситуация, конечно, не уникальная. Она характерна для исторического функционирования литературных произведений с высокой значимостью и выразительностью места действия, произведений, создающих новую, художественную, карту реального места. Как, например, «Улисс» Джойса для Дублина, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова для Москвы, «Преступление и наказание» Достоевского для Петербурга, «Город Эн» Л. Добы-

чина для Двинска-Даугавпилса, «Два капитана» В. Каверина для Пскова и т. д.

Именно в этих случаях возникают феномены сложной природно-культурной реальности – Москва Булгакова, Петербург Достоевского, Прага Майринка. Эти сложные феномены, продукты взаимодействия текста и места, в процессе функционирования литературного произведения начинают восприниматься как самостоятельная, обособленная и от текста, и от физического пространства реальность. Они сами по себе становятся предметами исследовательского внимания и, что следует подчеркнуть, социальных интересов.

В некоторых случаях эта, в сущности, воображаемая реальность настолько ярка, убедительна и увлекательна, что настоятельно требует буквальной материализации – вещественной инсталляции в физическое пространство. На карте Лондона появляется квартира Шерлока Холмса на Бейкер Стрит, на мостовые Дублина наносится маршрут блужданий Стивена Дедала, в Вероне находят типичный средневековый дом, к которому достраивают балкон Джульетты, в Севилье вблизи старинной арены для боя быков возводят памятники героям новеллы Проспера Мериме, а булгаковский дом на Садово-Кудринской, 10 и Патриаршие пруды постепенно обрастают плотной средой мемориальных объектов, материализующих образы знаменитого романа. Естественно, подобные места включаются в оборот литературного (и шире – культурного) туризма. В современной культуре с ее универсализацией маркетингового мышления эта тенденция исторического функционирования значимых литературных текстов становится не только продуктом спонтанной истории текста, но и подчас предметом осознанного и направленного конструирования [10].

К новейшим феноменам подобного рода относятся и пастернаковский Юрятин в отношении Перми. Своеобразие истории «овеществления» романного локуса в Перми состоит в том, что в значительной степени она имеет характер управляемого филологического эксперимента.

Творческая интеллигенция Перми начинает знакомиться с «Доктором Живаго» в середине 1970-х гг. благодаря попадавшим в город копиям романа. Оpozнание в Юрятине образа собственного города становится с тех пор заметной чертой локального самосознания. Об идее восстановления пастернаковской памяти в Перми местные журналисты впервые заговорили в конце 1980-х гг. [11, с. 4], а с публикацией в России романа «Доктор Живаго» гипотетическое сближение Перми и Юрятин стало более или менее расхожим в гуманитарной среде города. Общественный фонд культуры «Юрятин», созданный университетскими филологами в середине 1990-х гг., своим названием, а позднее и деятельностью сделал эту идею программной.

Но системная работа по проявлению и формированию пастернаковского слоя городской памяти на-

чалась в 2005 г. и достигла нужной степени интенсивности в 2006 г. в связи с 90-летием со времени приезда Пастернака в Пермскую губернию. Проект под общим названием «Пермский период Бориса Пастернака» был поддержан Министерством культуры Пермского края. Он включал в себя как исследовательскую, так и издательскую, и популяризаторскую работу, массовые общественные акции. В 2006 г. была проведена масштабная Международная конференция, посвященная творчеству Пастернака, на которую в Пермь приехали ведущие специалисты по творчеству Пастернака из США, Италии, Нидерландов, Швеции, Польши, Франции, крупные российские ученые. Этот форум сыграл важную роль. В сознании экспертного сообщества было легитимизировано понимание «пермского периода» как одного из важнейших этапов в творческой биографии Пастернака, во-первых. Произошло совмещение уральских топосов лирики и прозы Пастернака с реальными местами Пермского края, во-вторых.

Последовавшая публикация материалов конференции и отдельных исследовательских статей в отечественных и зарубежных как научных, так и популярных изданиях окончательно утвердила концепцию «пермского периода» и его значения в творчестве Пастернака в экспертном сообществе. На сегодняшний момент ее можно считать общепризнанной (см., напр.: [12–14]). Характерна в этом смысле оценка газеты «Литературная Россия»: «Пермский период в жизни Пастернака, – подчеркивает газета как нечто общеизвестное, – оказал громаднейшее влияние на судьбу писателя. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать “Доктора Живаго”, где прототипом одного из главных мест действия романа – города Юрятин – является Пермь. Не понимать этого – значит не понимать ни Пастернака, ни роли биографии в писательской судьбе» [15].

По мере развития проекта, после публикаций множества материалов в местных газетах и журналах, после проведения массовых общественно-литературных акций в развитии пастернаковского проекта стали проявляться спонтанные эффекты. Интерес к пастернаковской теме проявил местный бизнес. В 2005 г. группа пермских предпринимателей открыла ресторан «Живаго», во дворике которого был установлен бюст поэта, а в библиотеке (один из залов) представлены многочисленные издания романа. Открытие ресторана вызвало ожесточенные дискуссии в местном сообществе [16]. В конце 2006 г. на сцене Пермского театра драмы состоялась премьера мюзикла «Доктор Живаго», ставшего одной из успешных постановок театра, пользующихся популярностью у зрителей.

Словом, пастернаковский слой в памяти Перми в ходе трехлетней реализации проекта «Пермский период Бориса Пастернака» был сформирован. Память о Пастернаке стала ощутимой и самоочевидной час-

тью смысловой реальности Перми. Развивается процесс материальной фиксации присутствия Юрятина в Перми. Смысловая реальность нуждается в материальных знаках присутствия, и постепенно пастернаковская память материализуется в городской среде. Утвердилось отождествление известных мест города с топосами романа. «Дом с фигурами», юрятинская читальня, дом Лары – все эти романские места появились на карте города. Литературное предание создает в пространстве Перми места памяти, связанные с романом. Некоторые из них – библиотека и местный «дом с фигурами» – получили статус городских достопримечательностей. Их показывают туристам. В репертуаре городских экскурсий появилась прогулка по пастернаковским местам Перми. Пастернаковская Пермь описывается в книге литературных про-

гулок по городу [17], даже издан путеводитель по Юрятину [18]. Наконец, в 2009 г. в Перми установлен первый в России памятник Борису Пастернаку.

Так в богатой перипетиями истории великого романа возник боковой сюжет, живущий собственной жизнью. Роль Пастернака и его романа «Доктор Живаго» для самосознания пермяков лаконично выражена в строке современного пермского поэта Владислава Дрожжанина: «Кама течет по стихам Пастернака». Эта строка по-своему вторит мысли Пастернака о второй вселенной, которую создает искусство. Эта символическая вселенная способна многое изменить в том мире, где мы живем. Юрятин, живущий в символической вселенной культуры, влияет на Пермь. Поэтому на вопрос, где находится Юрятин, есть ответ: Юрятин находится в Перми.

Список литературы

1. Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: в 11 т. М., 2003–2005.
2. Смирнов И. П. Роман тайн «Доктор Живаго». М., 1996. 208 с.
3. Фарыно Е. Юрятинская читальня и библиотекарша Авдотья [археопозитика «Доктора Живаго»] // Сб. ст. к 70-летию профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 385–410.
4. Весновский В. Иллюстрированный путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1904. 442 с.
5. Мамин-Сибиряк Д. Н. Старая Пермь // Вестник Европы. 1889. № 7. С. 44–104.
6. Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал: Очерки и впечатления. СПб., 1904. 764 с.
7. Мельников П. И. Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 1909. 560 с.
8. Faruno J. Белая медведица, ольха, Мотовилиха и хромой из господ. Археопозитика «Детства Люверс» Бориса Пастернака. Stockholm, 1993. 94 с.
9. Спешилова Е. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. Пермь, 1999. 580 с.
10. Гнедовский В. М. и др. Капитализируя гений места и дух времени: Стратфорд-на-Эйвоне – Веймар – Ясная Поляна: культурное наследие как фактор устойчивого регионального развития. Тула, 2008. 80 с.
11. Бубнов В. М., Могиленских Л. «Глухая пора листопада...» // Звезда. 1987. 30 окт.
12. Вайль П. Карта Родины. М., 2003. 416 с.
13. Вознесенский А. На виртуальном ветру. М., 1998. 478 с.
14. Гачев Г. Д. Пермская Утопия и Юрятин Пастернака // Категории и концепты славянской культуры / Тр. отдела истории культуры. М., 2008. С. 582–597.
15. [Редакционный комментарий] Кто нужней Перми Б. Пастернак или В. Каменский? // Литературная Россия. 25.07.2008.
16. Абашева М. П. Страсти по Живаго (властные конфликты в культурном пространстве современного города) // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллект. моногр. / Тр. Уральского МИОНА. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 308–315.
17. Абашев В. В. В поисках Юрятина. Литературные прогулки по Перми. Пермь, 2005. 256 с.
18. Ваксман С. Путеводитель по Юрятину. Пермь, 2005. 142 с.

Абашев В. В., доктор филологических наук, зав. кафедрой.

Пермский государственный университет.

Ул. Букирева, 15, г. Пермь, Пермская область, Россия, 614990.

E-mail: vv_abashev@mail.ru

Материал поступил в редакцию 12.05.2010

V. V. Abashev

PASTERNAK'S CITY OF YURYATIN: GEOGRAPHY, SEMIOTICS AND PRAGMATICS OF NOVELISTIC IMAGE

The article analyses the correlation between symbolic and mimetic components in the description of Yuryatin in the novel «Doctor Zhivago» by Boris Pasternak. Perm is defined as the geographical prototype for the fictional town and the transformation of the real city into literary image is traced. Also the attention is given to pragmatic relations of *locus* and *text*. It is displayed how novelistic reality becomes the object of socio-cultural and marketing strategies, how Yuryatin enters the symbolic reality of contemporary Perm.

Key words: *Pasternak, "Doctor Zhivago", semiotics, literary text pragmatics.*

Perm State University.

Ul. Bukireva, 15, Perm, Permskaya oblast, Russia, 614990.

E-mail: vv_abashev@mail.ru